

УДК 94(47).084.8 + 343.819.5
DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-24-30

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ САЛАСПИЛС (1941–1944 ГОДЫ)

С. В. Аристов

Московский энергетический институт, Москва

Рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с историей нацистского концентрационного лагеря Саласпилс. Обращение к данной теме актуально в связи с повторяющимися попытками пересмотра истории этого лагеря в европейской историографии, а также в связи с отсутствием отечественных обобщающих работ по Саласпилсу.

Источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы чрезвычайной государственной комиссии (Государственный архив Российской Федерации), материалы по уголовному делу Фридриха Еккельна (Центральный архив ФСБ), нацистские документы по Саласпилсу (Российский государственный военный архив), свидетельства бывших заключенных, хранящиеся в архиве Яд-Вашем (Иерусалим), а также опубликованные документы.

Проанализирован статус лагеря Саласпилс. Обосновывается применение в отношении него термина «концентрационный лагерь». Указывается количество заключенных и число погибших в лагере. Характеризуется структура лагерного управления, а также освещается проблема количества детей, прошедших через концлагерь, и опытов над ними.

Ключевые слова: *нацизм, концентрационные лагеря, Третий рейх, оккупация, Великая Отечественная война, Саласпилс.*

История лагеря Саласпилс, располагавшегося неподалеку от Риги, до сих пор является предметом острых дискуссий среди ученых, политиков, общественных деятелей. Повторяются попытки ревизии истории лагеря. Исследования, посвященные Саласпилсу, до сих пор не представили полной и непротиворечивой картины лагерной истории [1–3]. В данной статье на основе анализа источников из российских и зарубежных архивов, а также с учетом современных научных работ предпринята попытка ответить на наиболее дискуссионные вопросы, связанные с историей Саласпилса.

Одной из проблем, которая возникает у исследователей при обращении к характеристике Саласпилса, является его типология. В официальных нацистских документах лагерь обозначался как «расширенная полицейская тюрьма», «исправительно-трудовой лагерь». Подобная терминология использовалась наряду с термином «концлагерь» при планировании и на начальном этапе функционирования лагеря в связи с теми функциями, которые Саласпилс должен был выполнять. Данные обозначения сохранились в нацистских документах и в дальнейшем [4]. Хотя в 1943 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер охарактеризовал Саласпилс как концентрационный лагерь [5, с. 243], переименования не произошло.

Для этого, видимо, имелось несколько причин. Во-первых, к этому моменту в Риге появился другой лагерь – Кайзервальд, который сразу же получил обозначение «концентрационный» (при этом, по сути, он ничем не отличался от Саласпилса).

Во-вторых, сохранение формального статуса «исправительно-трудового лагеря» позволило командующему полиции безопасности и СД в Латвии Рудольфу Ланге оставить Саласпилс в своем подчинении и продолжать зарабатывать на нем, а не переводить его в ведение Главного административно-хозяйственного управления СС, потеряв источник дохода.

В реальности Саласпилс с первых месяцев своего функционирования превратился в концентрационный лагерь, что означало сочетание эксплуатации и уничтожения заключенных. Причем массовое убийство в нем узников осуществлялось в 1942 г. с помощью трех душегубок, доставленных из Берлина [6], а в 1943–1944 гг. посредством использования синильной кислоты [7].

Помимо функций, которые выполнял Саласпилс, в пользу его определения как «концентрационный лагерь» говорит и тот факт, что в нем размещались различные группы узников, которые не могли находиться в тюрьмах или трудовых лагерях (например, дети).

Строительство лагеря началось в октябре – ноябре 1941 г. Лагерным руководством и вышестоящими нацистскими инстанциями было запланировано создание 45 барачков. В постройке принимали участие отнюдь не только евреи, депортированные из Германии, Австрии и Чехословакии [5, с. 243], но и советские военнопленные из располагавшегося поблизости Шталага-350 [8]. На протяжении длительного времени концлагерь не был готов к тому, чтобы принимать значительное количество узников: «Когда мы прибыли в лагерь – в ян-

варе 1942 г., то еще не был готов ни один барак, и мы жили при температуре -40°C , когда ежедневно умирало около 20 человек» [9]. К февралю 1942 г. было построено лишь три, а к сентябрю того же года только 15 бараков. Подобная задержка с расширением концлагеря не позволила руководству СД Латвии выполнить свои обязательства перед РСХА о том, что уже в апреле 1942 г. лагерь сможет принять 15 тыс. узников Рижского гетто [5, с. 239]. Всего же в Саласпилсе был построен 21 жилой барак.

Вместимость каждого барака и, как следствие, всего лагеря оценивается в источниках по-разному. Наиболее точными представляются данные о том, что в бараке могли размещаться от 300 до 644 человек, а максимальная вместимость лагеря могла достигать 15 тыс. узников [1, с. 32–36]. Однако латвийские, а вслед за ними и другие европейские ученые, основываясь на отдельных свидетельствах или фрагментарных данных, делают вывод о том, что через Саласпилс за все время его существования прошло около 12–23 тыс. человек [2, с. 307; 5, с. 255].

Подобная избирательность в отношении к источникам не может привести к объективным оценкам. В свидетельских показаниях бывших заключенных отмечается, что лишь в течение 1942–1943 гг. в концлагере оказалось около 25 тыс. человек [10]. По другим свидетельствам бывших узников, только в марте 1943 г. в Саласпилс были доставлены около 20 тыс. человек с детьми [11, с. 60].

При этом отсутствие источников не позволяет осветить последние месяцы существования концлагеря – весну – осень 1944 г., тогда как именно в этот период агонии оккупационного режима число узников в концлагере должно было значительно увеличиться. Подобные процессы были характерны для многих оккупированных территорий СССР [12].

В это время вновь активизировалась борьба с партизанами или теми, кто саботировал нацистские приказы. Только летом 1944 г. в Штуттгоф из Латвии, в подавляющем большинстве случаев, видимо, из Саласпилса, было депортировано 15 тыс. латышских «политических» узников [13, с. 479].

Наступление Красной армии заставило перейти всю нацистскую систему террора на оккупированных территориях к массовым депортациям населения на запад. Только из Риги было депортировано 76 215 граждан, значительная часть во время отступления вермахта из столицы Латвии [1, с. 137]. Наконец, «политические» узники Рижской и иных тюрем, а также нетрудоспособное население подлежали скорейшему уничтожению [14, с. 51–52]. Особое место в этой ситуации заняли концлагеря, в том числе и Саласпилс, которые уже были подготовлены уничтожать, сосредотачивать и депортировать значительное количество узников. В итоге, вполне воз-

можно, что количество прошедших через концлагерь Саласпилс узников соответствует цифре 70 тыс. человек, отмечавшейся в актах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) [1, с. 44].

Непосредственно с общим количеством заключенных связан и вопрос о числе жертв. Точное количество погибших мы не узнаем никогда. Однако отдельные важные моменты можно прояснить. Некоторые исследователи значительно занижают число жертв, говоря лишь о 2 тыс. заключенных [2, 308 с.]. Другие источники увеличивают число погибших до 101 тыс. человек [15].

Первая точка зрения не выдерживает критики, поскольку она построена на нескольких воспоминаниях бывших узников и безосновательно отвергает материалы эксгумаций, вскрытий могил, значительного количества независимых друг от друга свидетельских показаний. Даже если оставить в стороне данные ЧГК, которые латвийские авторы считают «пропагандой», другие источники однозначно свидетельствуют о массовой гибели узников, когда только жертвы еврейских заключенных и только в течение нескольких месяцев конца 1941 – начала 1942 г. составляли от 1 500 до 2 тыс. человек [16, 17]. Более того, имеющиеся исследования позволяют сделать вывод о том, что в ходе деятельности по сокрытию следов нацистских преступлений одной из зондеркоманд, располагавшейся в Саласпилсе, с апреля по сентябрь 1944 г. были уничтожены останки около 20 тыс. человек [18, с. 164]. Подавляющее большинство этих жертв, скорее всего, перед гибелью оказывались в Саласпилсе. В этот период массовых убийств люди, поступавшие в концлагерь, расстреливались ускоренными темпами, а их трупы сразу же уничтожались. Хотя многие захоронения прошлых лет нацистского террора остались нетронутыми [14, с. 52].

Вторая точка зрения о количестве погибших в 101 тыс. человек возникла в материалах ЧГК как объединение числа жертв в Саласпилсе – 53 700 и 47 400 погибших военнопленных Шталага-350, располагавшегося неподалеку от концлагеря [1, с. 45]. Комиссия не скрывала подобных расчетов, делая акцент в первую очередь на страданиях людей и количестве жертв, а не на ведомственном подчинении лагерей.

В итоге обозначенное в документах комиссии число жертв 53 700 человек можно считать наиболее правдоподобным не только потому, что нет никаких оснований не доверять судебно-медицинской экспертизе обнаруженных поблизости от лагеря могил-рвов, а также свидетельским показаниям бывших узников, но и в силу колоссальных масштабов нацистского террора в последние месяцы оккупации и, как следствие, существования концлагеря.

Среди групп заключенных в разные моменты функционирования концлагеря преобладали различные категории. Созданный с целью размещения в нем европейских евреев, Саласпилс на первом этапе (конец 1941 – начало 1942 г.) принял немецких, чехословацких, австрийских евреев, а также евреев, переправленных на работу в концлагерь из Рижского гетто. Их общее количество в этот период составило не менее 2 тыс. человек [19]. По подсчетам ученых, всего в концлагере оказалось от 5 до 7 тыс. евреев различных национальностей, хотя в некоторых источниках эта цифра обозначается в 20 и даже 30 тыс. человек [20]. К январю 1943 г. основная масса евреев была уничтожена, а выжившие вывезены из концлагеря.

Весной 1942 г. в Саласпилсе появились латышские заключенные, а с весны 1943 г. в результате акции по борьбе с партизанами «Зимнее волшебство» в Саласпилс были депортированы как минимум 2 288 русских и белорусов, в основном женщин и детей [3, с. 553].

На смену заключенным по расовым мотивам начиная с 1942 г. и до момента освобождения лагеря в Саласпилс направлялись «политические» узники – партизаны, коммунисты, латвийские националисты и дезертиры из немецкой армии, а также советские военнопленные и граждане, угонявшиеся нацистами принудительно на работу в Третий рейх, для которых Саласпилс был временным пунктом на пути в Германию.

Паек заключенных был минимален. Как вспоминал один из бывших узников, «перед отправкой на работу давали тоненький кусочек хлеба, в обед пол-литра воды, где, если повезет, можно было найти картофелины. Для больных и неспособных работать полагалась половина порции. Каждый день люди умирали как мухи...» [21]. Смертность была высокой, в том числе из-за антисанитарных условий, приводивших к распространению инфекционных заболеваний. Однако, пожалуй, главной причиной гибели узников были действия лагерного руководства и их пособников.

Официально концлагерь Саласпилс подчинялся командующему полиции безопасности и СД, одному из главных организаторов уничтожения евреев в Латвии Рудольфу Ланге. Многочисленные показания узников свидетельствуют, что глава полиции безопасности регулярно посещал концлагерь, издевался над узниками и убивал их лично: «...Ланге периодически приезжал в Саласпилс и, когда он появлялся, расстреливал узников» [22].

Именно по поручению Рудольфа Ланге в октябре 1941 г. к процессу создания Саласпилса подключился Герхард Майвальд – член айнзацгруппы «А» и один из создателей криминальной полиции в Риге. Однако он не был назначен комендантом

концлагеря, а был отправлен в мае 1942 г. в Минск для борьбы с партизанами, а также организации и управления другим печально известным концлагерем – Малым Тростенцом.

Первым комендантом Саласпилса стал обершарфюрер СС Рихард Никель (конец 1941 – середина 1942 г.), организовавший внутрилагерный террор [23]. Достаточно быстро его сменил оберштурмбанфюрер СС Курт Краузе (1942–1944 гг.). По-видимому, последний был в большей мере готов реализовывать поставленные перед ним задачи уничтожения и эксплуатации узников. Так же как и Ланге, он был организатором массовых акций уничтожения и лично убивал узников. На протяжении нескольких месяцев одновременно с управлением Саласпилсом Краузе возглавлял Рижское гетто.

Заместителем коменданта и главой охраны концлагеря был ротенфюрер СС Отто Текемайер. Он участвовал в селекциях узников, отделяя нетрудоспособных, а также вместе с комендантом принимал участие в массовых расстрелах: «Евреи расстреливались лично и с удовольствием Текемайером из пистолета. Я был свидетелем этого, так как являлся шофером Текемайера и отвозил их на машине... Испуганные люди должны были вырыть одну могилу для всех, и Текемайер вместе с Краузе, который всегда был вооружен, расстреливали людей таким образом, чтобы они падали в яму» [20]. Отдел лагерного гестапо возглавлял хауптштурмфюрер СС Курт Мигге.

Иерархия управления лагерем включала латышских коллаборационистов. Среди них выделялся Альберт Виджус, который считался заместителем коменданта лагеря Краузе. В функции Виджуса входила координация действий команды по уничтожению евреев [20]. Лагерным судьей, а скорее всего следователем и помощником Мигге, был Улдрикис Сейлис. До него эту должность занимал убитый узником летом 1943 г. Артур Кандерс. Помощником Сейлиса, выбивавшим «нужные» показания из заключенных, был бывший боксер Эхбом [24]. Возможно, что с отделом лагерного гестапо были связаны и Никелис, а также Тоне и Дзенис, деятельность которых в свидетельствах узников была связана с допросами [1, с. 31]. Охранялся концлагерь латышским коллаборационистским формированием, так называемой командой Арайса.

По аналогии с лагерями Третьего рейха в Саласпилсе было создано так называемое «самоуправление» – иерархия узников, помогавшая лагерному руководству управлять остальной массой заключенных. Во главе этой иерархии находился староста по фамилии Гудаковский, который в воспоминаниях узников ошибочно назывался начальником лагеря и приравнялся по статусу Виджусу.

По происхождению Гудаковский был прибалтийским немцем и бывшим жителем Риги. Именно староста концлагеря отвечал перед руководством за организацию эксплуатации узников и лагерный распорядок. Как отмечалось в воспоминаниях бывших заключенных, узники боялись его больше, чем коменданта, так как он их постоянно избивал. Помощниками старосты, на лагерном языке их можно было бы назвать «капо», являлись Асуб, Амекс, Берзиньш и Утман. Некто Шмутов отвечал за лагерную почту, воруя из присылаемых узникам посылок одежду и еду [24], а Родзевич, выдававший лагерную униформу, продавал на базаре Риги гражданскую одежду узников [1, с. 32]. В лагере функционировала собственная полиция, состоявшая из узников. Сменяя друг друга, ее возглавляли латыши – Лендиньш, Талс и Берзиньш. Среди узников-полицейских были и женщины. В лагерном «самоуправлении» имелись старшие по баракам и даже была должность пожарного, чего не было в лагерях рейха. «Самоуправление» распространялось и на заключенных евреев [21].

Одним из наиболее острых вопросов в дискуссиях об истории Саласпилса является трагедия детей, оказавшихся в концлагере. По данным ЧГК, с июня 1942 г. по весну 1944 г. через концлагерь Саласпилс прошло более 12 тыс. детей, из которых было убито не менее 7 тыс. [25]. Латвийские ученые заявляют, что в лагере было всего лишь 300–400 детей, часть из которых умерла от кори и тифа в связи с нехваткой медикаментов [1, с. 47].

Тем не менее последние исследования демонстрируют иные результаты. Израильский ученый А. Шнеер, ссылаясь на нацистский документ Социального департамента уполномоченного по размещению советских граждан в г. Резекне от 3 ноября 1943 г., отмечает, что порядковые номера регистрации детей в Саласпилском лагере уже на тот момент достигали 17 683 [26, с. 118], что значительно превосходит данные ЧГК.

Что касается числа погибших детей, то сразу же после освобождения Риги комиссия провела обследование территории старого гарнизонного кладбища поблизости от Саласпилса и установила, «что часть кладбища площадью в 2 500 кв. метров сплошь покрыта земляными холмиками с промежутками между ними от 0,2 до 0,5 метра. При раскопке только одной пятой части этой территории в 54 могилах обнаружены 632 детских трупа в возрасте от 5 до 9 лет; в большинстве могил трупы расположены в два-три слоя» [11, с. 86]. Рядом с кладбищем была обнаружена территория, на которой производилось сожжение останков узников, в том числе и детей. Учитывая тот факт, что в показаниях бывших узников имеются свидетельства о массовом отравлении детей угарным газом [27], а так-

же о том, что число погибших детей только за период с 1942 по 1943 г. обозначается в 3 тыс. [10], с большой долей вероятности можно предположить, что общее количество погибших могло быть близко к выводам Чрезвычайной государственной комиссии – 7 тыс. детей.

Наконец еще одним болезненным вопросом, связанным с детьми в Саласпилсе, является вопрос медицинских опытов над ними. Наиболее распространены в концлагере были эксперименты по введению малолетним узникам различных инъекций неизвестного содержания, а также выкачивание крови до 200 см³ у каждого ребенка. Советские следственные органы придерживались точки зрения, что детская кровь применялась нацистами в качестве донорской для раненых солдат вермахта. Однако необходимо обратить внимание на то, что изъятая кровь могла использоваться и для иных целей.

В период оккупации Риги с целью реализации расовых идей нацистами были созданы Институт медицинской зоологии и Институт гигиены СС. В их официальные функции входил контроль за дезинфекционными учреждениями, борьба с эпидемиями сыпного тифа, санитарный надзор за лагерями военнопленных и политзаключенных. На самом деле институты занимались псевдонаучными экспериментами над заключенными, а также убийством узников с помощью газации в душегубках. Именно врачи этих институтов посещали Саласпилс с целью изъятия у детей крови для своих экспериментов по распространению тифа (в Институте медицинской зоологии выращивались колонии вшей – носителей тифа), а также, по всей вероятности, экспериментировали с различными «препаратами» для борьбы с эпидемиями: «больным детям в марте – апреле 1944 г. приехавшие врачи ввели в прямую кишку какой-то раствор, после чего у всех детей опухали и краснели глаза. Они сильно худели и умирали. Те же врачи проводили эксперименты над взрослыми, больными сыпным тифом» [28].

Лагерь Саласпилс являлся важнейшим нацистским центром по эксплуатации и уничтожению как советских, так и европейских узников, что означает обоснованность его определения как «концентрационный лагерь». Его наименования в нацистских официальных документах как «расширенная полицейская тюрьма» или «исправительно-трудовой лагерь» использовались отнюдь не для характеристики условий содержания узников, а для формального определения подчиненности лагеря и для ведомственной борьбы за использование доходов, получаемых от труда заключенных [29].

Система лагерного управления, которая, как и в концлагерях Третьего рейха, сочетала в себе не

только нацистское руководство, но и коллаборационистов, готовых убивать узников с целью собственного обогащения или элементарного выживания, привела к значительному числу жертв заключенных. Организованные лагерной администрацией и коллаборационистами массовое уничтожение узников, псевдомедицинские эксперименты, а также созданные антисанитарные условия содержания и, как следствие, эпидемии стали причинами того, что число погибших в Саласпилсе могло достичь 50 тыс. человек, из которых 7 тыс. были детьми.

Проблема противостояния ревизионизму истории Великой Отечественной войны является одной

из важнейших в научных исследованиях российских ученых. Данная статья представляет собой попытку противодействия пересмотру истории одного из наиболее жестоких лагерей на оккупированной территории Советского Союза, и сделанные в ней выводы могут быть использованы в рамках образовательного процесса в школах и вузах, а также в рамках воспитательной работы с молодым поколением.

Данная статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-928.2017.6.

Список литературы

1. Приговоренные нацизмом: сборник документальных свидетельств о злодеяниях немецких нацистов и их пособников в годы германской оккупации Латвии в 1941–1945 гг. / сост. В. Богов. Рига: Jumī, 2011. 288 с.
2. Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R. Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils noietne: 1941–1944. Rīga: Lauku avīze, 2016. 431 p.
3. Jahn F. Salaspils // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Bd. 9. München: C. H. Beck, 2009. S. 548–558.
4. KdS Lettland an BdS Ostland // Российский государственный военный архив. Ф. 504. Оп. 2. Д. 8. Л. 167–168.
5. Angrick A., Klein P. The «Final solution» in Riga: exploitation and annihilation, 1941–1944. New York, Oxford: Berghahn Books, 2009. 517 p.
6. Протокол судебного заседания по делу Еккельна и др. // ЦА ФСБ. Д. Н-18313. Т. 20. Л. 85.
7. Протокол допроса Еккельна Ф. // ЦА ФСБ. Д. Н-18313. Т. 1. Л. 205.
8. Заявление Саусмиша К. // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 6. Л. 204.
9. Memoirs of Max Bunzl // Yad Vashem. O. 2. F. 862. P. 3.
10. Протокол допроса Трифонова Я. // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 6. Л. 237.
11. Латвия под игом нацизма: сб. архивных документов. М.: Европа, 2006. 344 с.
12. Aristov S. «Next to Bab'i Yar»: The Syrets Concentration Camp and the Evolution of Nazi Terror in Kiev // Holocaust and Genocide Studies. 2015. Vol. 29, № 3. P. 431–459. DOI: 10.1093/hgs/dcv047.
13. Vestermanis M. Die nationalsozialistischen Haftstätten und Todeslager im okkupierten Lettland (1941–1945) // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager 1933–1945: Entwicklung und Struktur. Bd. 1. Berlin: Wallstein Verlag, 1998. S. 184–199.
14. Angrick A. Operation 1005: The Nazi Oblivion Project // Materials of the IV and V conferences 2015–2016 is dedicated to the memory of Professor Eli Wisel. Riga: Shamir, 2016. P. 45–56.
15. Заключение судебно-медицинских экспертов о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими оккупантами в районе г. Риги // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 21. Л. 16.
16. Testimony of Suess Bedrich // Yad Vashem. O. 2. F. 908. P. 3.
17. Testimony of Klein Egon // Yad Vashem. O. 2. F. 924. P. 4.
18. Spector S. «Aktion» 1005 – Effacing the Murder of Millions // Holocaust and Genocide Studies. 1990. Vol. 5, № 2. P. 157–173.
19. Testimony of Suess Bedrich // Yad Vashem. O. 2. F. 908. P. 3.
20. Testimony of Jaucis Arnis // Yad Vashem. O. 2. F. 803. P. 3.
21. Testimony of Stein Bernhard // Yad Vashem. O. 33. F. 89. P. 5.
22. Testimony of Simons Salli // Yad Vashem. O. 2. F. 907. P. 3.
23. Vernehmungsniederschrift // Yad Vashem. TR. 19. F. 59. S. 29–30.
24. Протокол допроса Трифонова Я. // ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 6. Л. 236.
25. Справка по материалам расследования преступлений немецко-фашистских захватчиков в отношении советских детей в Риге и окрестностях // ГАРФ. Оп. 93. Д. 3784. Л. 9.
26. Шнеер А. Они стали латышами? Или... немцами? Социальные аспекты судеб детей из России и Белоруссии, депортированных в Латвию в 1942–1944 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1 (4). С. 118–124.
27. Протокол допроса Еккельна Ф. // ЦА ФСБ. Д. Н-18313. Т. 1. Л. 161–162.
28. Протокол допроса Бринкмана М. // ЦА ФСБ. Д. Н-18313. Т. 2. Л. 371.
29. Kangeris K., Neiburgs U., Vīksne R. Salaspils noietne nacionālsociālistiskās Vācijas administrācijas plānos un soda noietņu tipoloģijā (1941–1942). URL: <http://rigacv.lv/node/510> (дата обращения: 18.06.2017)

Аристов Станислав Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, НИУ «Московский энергетический институт» (ул. Халтуринская, 72, Москва, Россия, 107392). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

Материал поступил в редакцию 22.06.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-24-30

PROBLEMS OF THE CONCENTRATION CAMP SALASPILS HISTORY (1941–1944)

S. V. Aristov

Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

The article discusses debatable issues related to the history of the Nazi concentration camp Salaspils. Appeal to these problems is relevant in connection with repeated attempts to revise the history of this camp in European historiography, as well as in connection with the lack of Russian generalizing works on Salaspils.

The source of the research was unpublished materials of the Extraordinary State Commission (State Archives of the Russian Federation), materials on the criminal case of Friedrich Eckeln (Central Archive of the FSB), Nazi documents on Salaspils (Russian State Military Archive) testimonies of former prisoners kept in the Yad Vashem archives (Jerusalem), as well as published documents.

The article examines the status of the Salaspils and proves the term “concentration” in regard to this camp. It means the camp had two main functions – exploitation and destruction of prisoners. The structure of camp management is characterized, as well as the problem of the number of children who have passed through the concentration camp and experiments on them. The number of prisoners and the death toll in the camp are considered. The author concludes that the number of victims in Salaspils could reach the figure indicated by the Extraordinary State Commission – about 50,000 people. About 7,000 of these victims were children.

Key words: *Nazism, Concentration camp, Third Reich, Occupation, Great Patriotic War, Salaspils.*

References

1. Bogov V. (Comp.) *Prigovorennyye natsizmom. Sbornik dokumental'nykh svidetel'stv o zlodeyaniyakh nemetskikh natsistov i ikh posobnikov v gody germanskoj okkupatsii Latvii v 1941–1945 gg.* [Sentenced by Nazism. Collection of documentary testimonies about the atrocities of the German Nazis and their accomplices during the years of the German occupation of Latvia in 1941–1945]. Riga, Jumi Publ., 2011. 288 p. (in Russian).
2. Kangeris K., Neiburgs U., Viksne R. *Aiz šiem vārtiem vaid zeme. Salaspils noietne: 1941–1944.* Rīga, Lauku avīze, 2016. 431 l pp.
3. Jahn F. *Salaspils. Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager.* Bd. 9. München, C. H. Beck, 2009. S. 548–558.
4. KdS Lettland an BdS Ostland. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive]. F. 504. Op. 2. D. 8. L. 167–168 (in Russian).
5. Angrick A., Klein P. *The “Final solution” in Riga: exploitation and annihilation, 1941–1944.* New York, Oxford, Berghahn Books, 2009. 517 p.
6. *Protokol sudebnogo zasedaniya po delu Ekkel'na i dr.* [The record of the court session in the case of Jeckeln et al.]. *Tsentral'nyy arkhiv FSB* [Central Archive of the Federal Security Service]. D. N-18313. T. 20. L. 85 (in Russian).
7. *Protokol doprosa Ekkel'na F.* [The Record of the Court Session in the case of Jeckeln]. *Tsentral'nyy arkhiv FSB* [Central Archive of the Federal Security Service]. D. N-18313. T. 1. L. 205 (in Russian).
8. *Zayavleniye Sausmisha K.* [Statement of Southmys K.]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 7021. Op. 93. D. 6. L. 204 (in Russian).
9. *Memoirs of Max Bunzl. Yad Vashem (YV).* O. 2. File 862. P. 3.
10. *Protokol doprosa Trifonova Y.* [Protocol of interrogation of Trifonov Y.]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 7021. Op. 93. D. 6. L. 237 (in Russian).
11. *Latviya pod igom natsizma: sbornik arkhivnykh dokumentov* [Latvia under the yoke of Nazism: a collection of archival documents]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 344 p. (in Russian).
12. Aristov S. “Next to Bab'i Yar”: The Syrets Concentration Camp and the Evolution of Nazi Terror in Kiev. *Holocaust and Genocide Studies*, 2015, vol. 29, no. 3. P. 431–459. DOI. 10.1093/hgs/dcv047
13. Vestermanis M. *Die nationalsozialistischen Haftstätten und Todeslager im okkupierten Lettland (1941–1945). Die nationalsozialistischen Konzentrationslager 1933–1945: Entwicklung und Struktur.* Bd.1. Berlin, Wallstein Verlag, 1998. S. 184–199.
14. Angrick A. *Operation 1005: The Nazi Oblivion Project. Materials of the IV and V conferences 2015–2016 is dedicated to the memory of Professor Eli Wisel.* Riga, Society “Shamir”, 2016. P. 45–56.
15. *Zaklyucheniye sudebno-meditsinskikh ekspertov o zlodeyaniyakh, sovershennykh nemetsko-fashistskimi okkupantami v rayone g. Rigi* [The conclusion of experts about the atrocities committed by the German-fascist occupiers in the region of Riga]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 7021. Op. 93. D. 21. L. 16 (in Russian).

16. Testimony of Suess Bedrich. *Yad Vashem*. O. 2. F. 908. P. 3.
17. Testimony of Klein Egon. *Yad Vashem*. O. 2. F. 924. P.4.
18. Spector S. "Aktion" 1005 – Effacing the Murder of Millions. *Holocaust and Genocide Studies*, 1990, vol. 5, no. 2. P. 157–173.
19. Testimony of Suess Bedrich. *Yad Vashem*. O. 2. F. 908. P. 3.
20. Testimony of Jaucis Arnis. *Yad Vashem*. O. 2. F. 803. P. 3.
21. Testimony of Stein Bernhard. *Yad Vashem*. O. 33. F. 89. P. 5.
22. Testimony of Simons Salli. *Yad Vashem*. O. 2. F. 907. P. 3.
23. Vernehmungsniederschrift. *Yad Vashem*. TR. 19. F. 59. S. 29–30.
24. Protokol doprosa Trifonova Ya. [Protocol of interrogation of Trifonov Y.] *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. 7021. Op. 93. D. 6. L. 236 (in Russian).
25. Spravka po materialam rassledovaniya prestupleniy nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v otnoshenii sovetskikh detey v Rige i okrestnostyakh [Enquiry on the materials of the investigation of the crimes of the German fascist invaders against Soviet children in Riga and its environs]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. Op. 93. D. 3784. L. 9 (in Russian).
26. Shneer A. Oni stali latyshami? Ili... nemtsami? Sotsial'nye aspekty sudeb detey iz Rossii i Belorussii, deportirovannykh v Latviyu v 1942–1944 gg. [Did they become Latvians? Or... the Germans? Social aspects of the fate of children from Russia and Belarus, deported to Latvia in 1942–1944]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy – Journal of Russian and East European Historical Studies*, 2012, vol. 1, no. 4, pp. 118–124 (in Russian).
27. Protokol doprosa Ekkel'na F. [Protocol of interrogation of Jeckeln]. *Tsentral'nyy arkhiv FSB* [Central Archive of the Federal Security Service]. D. N-18313. T. 1. L. 161–162 (in Russian).
28. Protokol doprosa Brinkmana M. [Protocol of interrogation Brinkman M.] *Tsentral'nyy arkhiv FSB* [Central Archive of the Federal Security Service]. D. N-18313. T. 2. L. 371 (in Russian).
29. Kangeris K., Neiburgs U., Viksne R. *Salaspils nometne nacionālsociālistiskās Vācijas administrācijas plānos un soda nometņu tipoloģijā (1941–1942)*. URL: <http://rigacv.lv/node/510> (accessed 18 June 2017).

Aristov S. V., Moscow Power Engineering Institute (ul. Khalturinskaya, 72, Moscow, Russian Federation, 107392).
E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com